

РОДНАЯ РЕЧЬ

“Зорю бьют”, а в руках всё ещё солидный том из собрания сочинений Александра Николаевича Стрижева*. О чём только не пишет этот удивительный сказитель и сказочник, натуралист и бытописатель, жизнелюб, знаток тайников и таинств души человеческой.

“Добрый талантом” одарил Господь этого замечательного русского писателя. Кажется, всё ему под силу. Чего бы ни коснулось лёгкое перо Стрижева, всё как-то само собой выходит. Однако это лишь наше теперешнее впечатление, впечатление от подлинного мастерства, а за ним – годы кропотливой работы, настоящего литературного делания, труда долгого, но многоплодного.

В издательстве “Общество сохранения литературного наследия”, наконец, вышло объёмистое, пятитомное собрание сочинений А. Н. Стрижева, объединившее произведения самых разных жанров, созданные за сорок лет творческой деятельности писателя. Перед нами настоящая “энциклопедия русской жизни”, нашей с вами жизни, читатель. Той самой глубинной, что ещё дышит в толще народной, что хранит ещё русский дух – жизни, что “Русью пахнет”...

Всякий раз, когда слушаешь этого радостно дарящего сокровища души своей человека, невольно ловишь себя на мысли: чего только он не знает! А знает он просто жизнь, во всех её проявлениях и явлениях, во всей её пестроте и многообразии. Разные грани её раскрываются в сочинениях Стрижева – здесь доброе и жестокое, трагическое, забавное и наивное, смешное и грустное, и вместе – всё очень серьёзно, значимо, всё представляется важным. Удивительно тонким чувством прекрасного наделён этот коренной русский человек, плоть от плоти народной. В каждом слове его дышит неизбывная любовь к Отечеству, к многострадальной и прекрасной России, к великому и могучему языку русскому. Читать А. Н. Стрижева интересно! Прерываться не хочется. Медленно скользишь вместе с ним по волнам памяти и понимаешь, что это твоя родная память “милрой старины” и недавнего прошедшего, а то и совсем близкого, чего-то порой неуловимого, но такого трепетного, нежного и дорогого.

Три тома собрания – “Народный календарь”, “Русское разнотравье” и “Русские грядки” целиком посвящены нашей природе. Писать о ней можно по-разному. Сказы же Стрижева наполняют душу живыми картинками, веселят сердце, тонким лиризмом дышат его пейзажи. В этих рассказах и очерках автор выступает как писатель-натуралист, блестящий знаток-фенолог, природовед. Он буквально следует завету преп. Иоанна Кронштадтского: “Рассматривайте, братие, премудрое устройство растений и познавайте в них Бога”. Ибо, как справедливо замечает сам писатель: “Растения дышат, оживотворя-

* Стрижев А. Н. Собр. соч. в 5 т. М., 2007. В дальнейшем ссылки даются по настоящему изданию, номер тома и страницы указываются в тексте статьи.

ья Святым Духом, набираются сил, расцветают и плодоносят, давая продолжение потомству” (II, 525), дарят нас чудной радостью бытия, первою данною трепетной красотой, затейливыми тайнами, учат нас жизни богоданной. И везде, в каждой травинке, в каждой былинке, в каждом открытом личике цветка говорит премудрость Творца.

Наугад раскрываю второй том сочинений Стрижева – очерк “Колокольчики”, и вот его начало: “Колокольчики звенят! Выйдешь росным утром на луг и опешишь: не́кони сплошь подёрнулись лиловым и голубым. Вот истинно: “заметался пожар голубой”. Рослые, изящные растеньица раздались в стороны и так славно расправились, что едва не затмили другие цветы. Пока занималось солнце, и ветерок пробежками резвился, свежие колокольчики и впрямь будто легонько названивали” (II, 177). Или “Ландыш”: “Зелёными чертогами предстали поющие леса, и с каждым днём всё краше, прелестнее. <...> А как начали смыкаться широколиственные вершины и установилась укромная тень, лес упоительно заблагоухал ландышем. Нежный застенчивый цветочек сразу же оказался наипервейшим в зелёной обители. И чудится, что только ему по силам состязаться с премьером весны – соловьём в воспевании радости обновления” (II, 212). А вот, к примеру, лопух: “Есть ли среди наших трав что-нибудь обыкновеннее лопуха? <...> Жилистый, мясистый с краснинкой ствол, поставленный прямо и основательно – не столкнёшь тележным колесом, тёмно-зелёные листья, распластанные противнями, тяжёлые черешки. Весь облик лопуха являет собой силу, как являет её медведь, пестун природы. Кстати, учёное название лопуха *arctium* происходит от греческого слова *arctos* – медведь; так наречено растение ещё в античные времена. Зелёный медведь спокойно дремлет за оградами усадеб, скрывая от зноя наседок с цыплятами, лягушек, жужелиц и всякую иную живность” (II, 216).

Ароматная, благовонная и такая сочная проза! Каждая картинка чётко прописана и вместе поэтично, легко и изящно. Тут же и подробные ботанические характеристики трав и цветов, их целебные свойства, их живое упоительное дыхание. И невольное утопаешь, читая неотрывно страницу за страницей, в океане русского разнотравья. “Как только не благоухают горячие травы пустыря и пустоши! Полдневный воздух – знойный и тягучий – тут наособицу горек, прян и душист. Кажется, все эти рослые и жёсткие поселенцы залежной земли разом взялись источать один крепкий чадящий дух, которым так славно зрелое лето. И всё же заросли пижмы пышут по-своему, слышите в бурьяне этот густой камфорный запах? А разотрите щепотку жёлтых корзинок или перистый листочек – вас и подавно обдаст пряная горьковость пижмы” (II, 304). Воистину *благорастворение воздухов*...

Пожалуй, эти три тома (I, II, III) являют собой *неспешный роман* о благодатном лете Господнем, о богоданной русской природе, каждая страница которого источает свет и добро – мудрость народную, наблюдательность натуралиста, красоту живого русского слова, силу крестьянского духа. Роман этот учит любить мир Божий, бережно относиться к младшим братьям нашим, ибо и неприметная былинка и самая малая птаха суть создания Великого Творца, и, узнавая их, мы прозреваем беспредельную Истину, сокрытую в каждом из нас.

Четвёртый том – публицистика: здесь собраны разнообразные по проблематике этюды, статьи, разыскания, а завершают его труды, по сути, уникальные – это библиографии, составленные А. Н. Стрижевым. Автор хорошо известен в этой области *скрупулёзного и дотошного* научного делания, требующего настоящего таланта *следопыта*. Итак, тут и свод трудов о св. Димитрии Ростовском, св. Иоасафе Белгородском, преп. Серафиме Саровском и св. праведном Иоанне Кронштадтском; очерк “Фома Кемпийский в России” с приложенной библиографией, а также максимально полный указатель литературы о творчестве выдающегося русского поэта В. К. Тредиаковского.

Из других разделов этого объёмистого тома (640 с.) хотелось бы ещё подробнее остановиться на первом – “Детское чтение” и втором – “Литературная студия”.

Светлым ангелам посланье – так назовём очерки и этюды, написанные Стрижевым специально для детей. Любовью и добротой буквально переполнены их страницы. Открывает же раздел прелестная зарисовка “Радонежские травы”, что совсем разумно и закономерно – именно о Сергии, драгоценном Сергии, игумене Земли Русской, с первых сознательных дней жизни своей

должны умом и сердцем *знать* русские дети, и особенно насельники некогда великого княжества Московского. И как чудесна композиция этого почти нестеровского рисунка, ей-Богу, невольно вспомнишь “Видение отроку Варфоломею”. На первом плане высокие земляные валы, некогда прятавшие “дrevяноград” – детинец. И тут же автор восклицает: “Как же благолепно возвышался Радонеж тогда, в седой глубине веков...” (IV, 5); и тут же вдыхает дыхание жизни в застывшие картины прошлого, напоая их воздухом радонежского разнотравья, каким и поныне дышим: “Летом обвевался градец смолистым воздухом, пропитывался духмяными травами...” (IV, 5). И тут же память писателя вызывает образ преподобного: “Исхожены эти окрестности святым отроком Варфоломеем, исполнившим волю Божию стать игуменом всея Руси Преподобным Сергием Радонежским. С времён святого Сергия, а позже с смутных лет польского разорения пронесли века. Ни детинца, ни посада не пощадил всепожирающий огонь давнего лихолетья. <...> Живым приветом старины покажутся благовонные травы, растущие на этих валах. Как возвеселится и дрогнет сердце паломника, как отзовется весь он терпкой болью воспоминаний, когда на склоне твердыни сорвет стебелёк душицы! Вдохнёт – и всего пронизет потрясающий запах” (IV, 5). Вот и всё, а далее начинает работать второй план, такой же, как у М. В. Нестерова. Только у художника дивный пейзаж так и остаётся как бы затихшим пред свершающимся чудом. У Стрижева же – вдруг удивительно оживает, и радонежские травы начинают говорить с нами своими, давно забытыми городским жителем, именами, а главное – тонкими, чистыми запахами вечного покоя, тайнами *зде пределов лежащих*. Тут и душица, и пупавка красильная, клевер, очитки–заячья капуста, колокольчик, зверобой, золотарник, короставник полевой... и царь-трава – седая полынь. И её “портрет” серебристым терпким аккордом венчает всю картину: “Седая полынь на древней земле придаёт особую суровость остаткам боевой твердыни. Радонежские травы пускают ароматы, и запах их дик и волен, как даль веков, с коей они сопряжены валами...” (IV, 6).

Да и сами названия очерков и рассказов для детей ласковые, романтично-сказочные: “Цветок былинного Садко”, “Золотые ключики тепла”, “Пчела – Божья работница”, “Святая птица”, “Травка Божией Матери”, “Осени порывы золотые” и т. д. И каждый этюд воистину маленький шедевр, учащий любить и дарить любовь ближнему. Завершают первый раздел тома рассказы о дореволюционных детских журналах “Задушевное слово”, “Родник”, “Игрушечка”, “Тропинка”, “Незабудка”. Это были замечательные, познавательные, добрые издания, и, в известном смысле, Стрижев как раз в своих очерках продолжает традицию русской детской книжности. К примеру, рассказ о журнале “Незабудка” начинается авторским переложением наставлений первого номера этого журнала, который вышел в январе 1914 г. Оно настолько характерно в целом для отечественной традиции православной книги для народа, и в то же время настолько соответствует общей тональности сочинений А. Н. Стрижева, что позволим себе привести этот зачин полностью. “Среди благочестивых людей существует предание, что Ангелы, пролетая над землёй, роняют на неё голубые цветы, чтобы люди не забывали о небе. Оттого эти цветы и называют незабудками. Есть и другое предание о незабудке.

Было это давно, давно, в первые дни творения. Только что создан был рай, и прекрасные, благоухающие цветы зацвели первый раз. Сам Господь проходил по раю и давал цветам название. Но один маленький голубой цветочек, устремив в восхищении своё золотое сердечко к Богу и не думая ни о чём, кроме Него, позабыл своё имя и смутился.

От стыда зарумянились кончики его лепестков, а Господь посмотрел на эту травку ласковым взором и промолвил: “За то, что ты забыл себя ради Меня, Я тебя не забуду. Называйся впредь незабудкой, и пусть люди, глядя на тебя, также научатся забывать о себе ради Меня”. Забывать о себе ради любви к Богу и ближним – это великое счастье. Жизнь хороша и счастлива только тогда, когда её красит любовь: любовь к Богу, к людям, к природе, словом, ко всему Божьему миру” (IV, 60–61).

А в разделе “Литературная студия” – повествования о творческих судьбах забытых поэтов Евгения Милькеева, младшего современника А. С. Пушкина, Сергея Бехтеева, чья наследие совсем недавно было возвращено нашей читательской аудитории, о русской духовной поэзии; здесь же собраны уникальные материалы о творчестве Евгения Замятина, исследованием

творчества которого Стрижев занимался задолго до того, как книги писателя вновь стали выходить в России.

Определённый интерес для любителей родной словесности представляет и небольшой словарь “Говоры моей сторонки”, помещённый тут же и знакомящий со своеобразной лексикой села Тарадей Шацкого района Рязанской области. В этом-то селе и прошло детство писателя. Учителем его стала сама жизнь, о чём и рассказывается на страницах автобиографической повести “Хроника одной души” (т. III). Характерны, по-стрижевски сочные названия частей её: “Земное верстание”, “Калач приесться, а хлеб никогда”. С особой любовью здесь выписан милый образ бабушки, Авдотьи Павловны, которая и давала первые наставления отроку. Рассказ начинается с яркой зарисовки летней грозы: “Свинцовые облака перекубились, сползли в одну тучу. Полнеба заволочла темь, отняв у земли свет и радость. Резво накатываются ветры на старые вётылы, и купы кипят, кипят. Гром ахнул отрывистый, решительный. Началась гроза” (III, 5). И эта гроза как бы предсказывает очень и очень непростую жизнь героя, впрочем, как и тернистый путь миллионов его соотечественников – разорённого русского крестьянства, начинается война...

Следует подчеркнуть, что в целом художественная проза А. Н. Стрижева отмечена зоркостью и искренностью, подлинным знанием народной жизни, коренной Руси, её быта, нравов сельчан, а язык отличается особым местным колоритом, ярко-своеобразен. Воистину, читая эту удивительную “Хронику”, постигаешь настоящее богатство родного наречия нашего, и невольно вспоминаешь, как писал великий Гоголь, что “нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово”*.

В этом же томе помещена серия очерков “По следам Сергея Нилуса”, о творчестве которого в самом начале 80-х гг. стал писать именно А. Н. Стрижев. Архивным и библиотечным разысканиям предшествовали самые настоящие поисковые экспедиции; исследователь посещал места жизни С. А. Нилуса, нашёл его могилу в селе Крутец, близ г. Александрова – а сегодня это место паломничества почитателей таланта писателя.

А. Н. Стрижеву вообще принадлежит почётная и завидная роль первооткрывателя забытых имён. Очерки о писателях Леониде Денисове, Евгении Поселянине, Василии Никифорове-Волгине и Леониде Зурове, Вл. А. Маевском, художниках Елизавете Бем, Михаиле Гермашеве, Николае Каразине, Сергее Соломко и Сергее Виноградове удачно дополняют третий том собрания сочинений Стрижева.

Весьма интересны и рассказы о писателях-натуралистах (т. IV); опять почти неизвестные имена: охотовед кн. Андрей Александрович Ширинский-Шихматов, автор книги “Медведь и медвежья охота” (1927), Дмитрий Никифорович Кайгородов – поэт леса, Мария Дмитриевна Менделеева – эксперт-кинолог, создатель уникального словаря (“Простонародные названия русских растений Москвы”, середина XIX в.), Николай Иванович Анненков...

Весь корпус очерков о забытых строителях русской культуры – а ведь они настоящие *dii minores* общенародного интеллектуального фундамента – является подлинной жемчужиной творчества А. Н. Стрижева.

Несомненно, благородная миссия будителя национальной памяти промыслительно возложена на рамена этого замечательного писателя и человека, патриота Отечества и народа русского, хранителя традиций нашей родины, культуры, веры православной. Честь ему и хвала. Многая лета, дорогой Александр Николаевич!

Наталья Масленникова

* Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6 т. М., 1949, т. 5, с. 109.